

Конференция на тему “Русофобия” в нашей ситуации запоздала как минимум на четверть века. Я говорю “в нашей”, имея в виду следующее. Последние три-четыре года наглядно продемонстрировали всем – кто не слеп, тот видит, – что Запад останется врагом России независимо от того, какой у нас будет строй, вот и американские военные уже заговорили о том, что отношения США и России останутся конфронтационными даже после ухода Путина. Ну, а министр обороны Германии, мать семи детей, 22 июня 2015 года сделала заявление о том, что с Россией нужно вести дела с позиции силы. Дата заявления выбрана, по-видимому, не случайно. Госпожа министр забыла, чем закончилась попытка её соплеменника и создателя первого варианта объединённой Европы начать 22 июня 1941 года разговор с Россией с позиции силы. Забыла красный флаг над рейхстагом?

Повторю, конференция запоздала, но лучше поздно, чем никогда, хотя потеря времени, темпа, как сказали бы шахматисты, налицо. Ясность всегда нужна, особенно нужна ясность по поводу исторических противников, а по-просту говоря – врагов. Ослабление и подчинение России, стирание идентичности русских как державообразующего народа с целью установления контроля над русскими ресурсами и пространством (значение и ценность последнего возрастает по мере роста угрозы геоклиматической катастрофы) – давняя цель правящих групп Запада. В систематическом виде эта цель была сформулирована в последней трети XVI века в католической (Габсбурги) и протестантской (Англия, Джон Ди) версиях.

Стремление подчинить огромную территорию, разрушить контролирующее её государство и покорить, сломить государствообразующий народ обосновывалось якобы враждебным по отношению к европейцам характером государства и народа России, их агрессивностью – мнимыми, разумеется: “*Ты виноват уж тем, что хочется мне кушать*”. Особый акцент при этом делался на

конфессиональная инаковость русских – их Православие. Вплоть до 1820-х годов акцентирование инаковости русских по отношению к западноевропейцам носило преимущественно религиозный характер, хотя имела место и национальная, а точнее, этническая составляющая. С 1820-х годов ситуация изменилась: на первый план в информационно-психологической (психоисторической) войне против России вышла этноисторическая, национально-культурная и государственно-политическая составляющие, то есть оформляется русофобия в строгом смысле слова. Собственно, можно сказать, что с выходом этих составляющих, то есть русофобии, на первый план и начинается всерьёз психоисторическая война Запада против России. Это – качественный сдвиг, однако, прежде чем говорить о нём, следует определить, что имеется в виду под терминами “психоисторическая война” и “русофобия”.

II

Психоисторическая война – это комплекс систематических, целенаправленных и долгосрочных действий, цель которых – установление контроля над психосферой общества-мишени, прежде всего, над психосферой его властной и интеллектуальной элиты с постепенным выходом за рамки первичных целевых групп воздействия и последующим стиранием атакуемой психосферы и замещением её своей.

Основные сферы (“фронты”) ведения психоисторической войны – образование, обществоведческая наука, СМИ (последние точнее называть СМРАД – средства массовой рекламы, агитации и дезинформации), рассчитанные на слабоумных, пускающих слюни восторга от лицемерия салонных дебилов, которые обсуждают то, о чём якобы “все говорят”, а по вечерам ещё и “типа шутят”.

Транснациональные СМРАД с формальной государственной привязкой стремятся представить Россию, существующий в ней властный режим, его главного персонификатора чуть ли не врагом человечества № 1. Ясно, что уже в конце XX века журналистика (как обычная, так и телевизионная) деградировала, изжив себя, и из профессии превратилась в занятие; ясно также, что западный обыватель равнодушен и верит своим СМРАД; ясно, что “пятая колонна” в РФ исполняет свой стриптиз, прежде всего, для внешнего потребителя, отработывая чужеземные сребреники, загранпоездки, награды; ясно, что спорить с ними бессмысленно. И, тем не менее, хочется спросить: если с 1991 года по наши дни по миру прокатилось больше войн, чем в 1945–1950–1991 годы, если все они так или иначе были организованы Западом, то при чём здесь Россия?

За всеми липовыми обвинениями западной верхушки в адрес России скрывается, если очистить шелуху, страх перед единственной незападной страной, которая не просто не легла под капиталистический Запад в качестве колонии или полукolonии, не только успешно сопротивлялась ему, но в течение четырёх столетий наносила ему поражения, а в XX веке создала альтернативную капитализму мировую систему – системный антикапитализм. Русские – не Запад, но в то же время европейцы (другие европейцы) создали альтернативную западной европейскую же культуру, основанную на русских ценностях. Кто-то верно заметил, что если героев западных писателей первого ряда (Бальзак, Диккенс, Золя) волнуют деньги и карьера, то героев русских писателей первого ряда (Толстой, Достоевский) занимает смысл жизни, вопросы нравственности. Россия – это другая христианская Европа, нежели Запад, другая Европа, распространившаяся на всю Северную Евразию и живущая по своим правилам, и уже тем самым неприятная Западу – и неприемлемая. Отсюда – агрессивная русофобия как важнейшее оружие психоисторической войны против России.

Основные уровни ведения психоисторической войны – информационный, концептуальный, метафизический (смысловой). На информационном – простейшем – уровне происходит искажение фактов; концептуальный уровень – это интерпретация и пакетирование информации (“фактов”, которые в случае ложной интерпретации превращаются в фальшь-факты) определённым образом, навязывающим объекту воздействия выгодное субъекту видение; метафизический (смысловой) уровень – это высший пилотаж психоисторической войны, здесь происходит главное: уничтожение смыслов, характерных для

объекта воздействия (“мишени”) и подмена их чужими с целью лишить “мишень” её метафизики и воли к сопротивлению.

Одной из линий, проходящей сквозь все три уровня, является создание негативного образа “мишени” и – программа-максимум – внедрение его в доминирующие группы общества-мишени (автофобия, ненависть к своему, к самим себе – приязнь к чужому). Их стараются приучить к мысли, что они якобы почти свои, почти европейцы/американцы в глазах Запада; надо только чуть-чуть постараться и избавиться от “почти” – если не возненавидеть, то презирать свою страну и сдать её Западу, превратившись в нечто вроде старост при оккупационном режиме. Конкретный пример автофобии – русофобия. Русофобия как идея – это неприязнь (вплоть до ненависти) к русским как к таковым, к русскости как историческому типу и опыту, к его носителям – их идентичности, истории, ценностям, психотипу, образу мысли, жизнебыту. Русофобия как практика – это комплекс действий (информационных, экономических, политических и других), имеющих своей целью принижение и подавление русскости как психоисторического комплекса. Русофобия как стратегия – это стремление установить контроль над русскими как особой этно-исторической державообразующей целостностью с последующим уничтожением, стиранием их из истории, растворением в других народах.

Не редкость и практическая реализация русофобии. В широком масштабе крайние формы этого продемонстрировали нацисты во время Великой Отечественной войны; в наши дни симпатизирующие нацистам власти стран Прибалтики и Украины с молчаливого согласия, если не одобрения, Евросоюза и США реализуют русофобию в виде дискриминации русских в этих странах. На уровне пропаганды оголтелая русофобия характеризует действия представителей политической и медийной сфер Запада в последние несколько лет. По своему накалу это превосходит антисоветскую и антикоммунистическую пропаганду времён холодной войны; тогда если и затрагивали русских, то косвенно, более или менее завуалированно, – удары наносились по коммунизму, по советской системе, по коммунистической идеологии.

Впрочем, кукловоды и их обслуга прекрасно отдавали себе отчёт: борьба ведётся хоть и против советской, но России. Открыто и ясно об этом в конце 1990-х годов высказался Збигнев Бжезинский в интервью парижскому журналу *Le nouvel observateur*. На вопрос о борьбе Запада и, в частности, США с коммунизмом Бжезинский ответил в том смысле, что не надо себя обманывать: мы (Запад) “боролись не с коммунизмом, а с Россией, как бы она ни называлась”. Показательно, что этот подход своих хозяев чётко усвоил один из “прорабов перестройки” А. Н. Яковлев: в одном из последних интервью он заявил, что перестройкой её агенты ломали не только Советский Союз, но всю тысячелетнюю модель русской истории. В обоих случаях (Бжезинский и Яковлев) мы имеем дело с русофобией в её практической реализации.

Здесь важно отметить, что советофобия есть всего лишь скрытая, завуалированная форма русофобии. И сколько бы ни пытались иные хулители советского прошлого обосновать свою позицию исконно русским патриотизмом, Православием, величием Российской империи, которую как нечто положительное противопоставляют Советскому Союзу (МФБ-комплекс: монархизм, феврализм, белогвардейщина как позитив отечественной истории), неприятие сталинизма и т. п., реально их хула носит русофобский характер. СССР – это во многих отношениях цивилизационный пик русского развития: это реальный русский модерн; это реальное развитие; это мировая фаза русской истории; наконец, это единственная в истории социальная система, в основе которой центральная русская ценность – социальная справедливость.

Враги России, русофобы, как за рубежом, так и в самой РФ, прекрасно это понимают: советофобская кампания, очернение советского прошлого, советских достижений, советских побед – это удар по России, по русскому “короткому XX веку” (1917–1991), доказавшему историческую состоятельность, победительность русскости именно в её советской форме. Не случайно значительную роль в развитии русофобии на Западе и, в частности, в США сыграло советологическое экспертное сообщество. Немало его представителей работали в разное время в различных администрациях США. Среди этих людей хватало людей из Восточной Европы или их потомков – поляки, чехи, евреи, украинцы, румыны и т. д. Как правило, все они, будь то Збигнев Бжезинский или Пола Добрянски (дочь бандеровцы-русофоба, подвизавшаяся

в администрация Буша-младшего), Вулфовиц или Перл – имя им легион – не навидели СССР именно как могучую форму исторической России. Отпечаток этой ненависти лёг на советологические штудии – не на все, разумеется, немало было серьёзных и интересных работ, а среди выходцев из Западной Европы далеко не все были ненавистниками СССР/России. Но... тенденция, однако.

С разрушением СССР советологи, казалось, останутся без работы, но они быстро переквалифицировались из “кремленологов”, в специалистов по постсоветскому Кремлю. А ненависть осталась, причём теперь её не надо было прятать в антикоммунистические одежды. С каждой новой администрацией после Буша-старшего таких экспертов в истеблишменте становилось всё больше, росла их активность, достигшая максимума во время антипутинской истерии; многие “косяки” верхушки США в отношении России следует отнести на счёт той картины, которую рисовал русофобский сегмент экспертного сообщества. Проблема, однако, в том, что у нас к этой русофобской публике до сих пор относятся всерьёз, как к учёным, тогда как на самом деле перед нами рядовые и офицеры информационной войны (независимо от национальности – будь то Фиона Хилл или Лилия Шевцова), и вступать с ними в чисто научные дискуссии с целью поиска истины, по меньшей мере, глупо. Цель врага – не поиск истины, а нанесение ущерба России: в данном случае, на научно-информационном фронте психоисторической войны. И если раньше русофобы рядились в тогу антикоммунистов, то сегодня на них наряд “критиков путинского режима” и борцов за “истинную демократию в России”. Что это за “демократия”, мы видели в 1993-м, 1996-м и 1998 годах. Демократия с лицом ельциногайдарочубайса? Спасибо, не надо. Русофобия меняет лишь форму, суть остаётся прежней: она практически не изменилась с 1820-х годов.

III

Именно в это десятилетие стартовала русофобия как базовое оружие западных верхушек в психоисторической войне “против России, как бы она ни называлась”. Время “запуска” русофобии выбрано было не случайно: именно тогда Россия стала смертельным врагом трёх сил, организовавших Французскую революцию 1789–1799 годов (или активно способствовавших её возникновению и развитию) и начавших строить свой новый мировой порядок сразу же после завершения реализации её “экспортного варианта” – наполеоновских войн.

Во-первых, это Великобритания, боровшаяся за гегемонию в мировой капиталистической системе с Францией и одержавшая над ней победу силами, прежде всего, России. Именно из-за победы над Наполеоном, превратившей её в сильнейшую континентальную державу, Россия стала в глазах британцев противником №1.

Во-вторых, это относительно новый европейский финансовый капитал, поднявшийся как таковой именно в ходе Французской революции и наполеоновских войн и во многом благодаря этим явлениям. Речь идёт, прежде всего, о Ротшильдах, уже в 1818 году продиктовавших свою волю крупнейшим западноевропейским державам (Австрии, Пруссии, Франции), но не России. Как и масоны и иллюминаты, Ротшильды (в финансовых интересах) сразу же после разгрома Наполеона заговорили о чём-то похожем на мировое правительство, и 1818 год стал наглядной демонстрацией их претензий. Ротшильдов поддержали и другие банкиры – британские и швейцарские. Однако на пути реализации этих планов оказалась Россия – сначала Александра I, а затем Николая I, причём планов не только политических, но и экономических: русские цари не позволяли западному финансовому капиталу разгуляться в России, ограничивали его.

Именно в 1820–1840-е годы начинается противостояние Ротшильдов – ударной силы западного (главным образом, еврейского) капитала и Романовых, то есть тогдашней России, её властного режима. Показательно, что когда эмиссары Александра II и Александра III пытались договориться с Ротшильдами о мире (то есть о том, чтобы те перестали спонсировать антиправительственное движение в России в 1870–1890-е годы), им было отвечено, что с Романовыми мир для Ротшильдов невозможен. Надо ли говорить, что Ротшильды – главные союзники (и спонсоры) британской короны и определённой части британского истеблишмента (причём не только еврейского)? Надо ли гово-

рять, что в своей вражде к России они совпали с Великобританией как государством?

В-третьих, конец XVIII—первая половина XIX века — период резкой активизации европейского масонства, этой исторически первой формы закрытых наднациональных структур мирового согласования и управления. “Эпоха революций” (Э. Хобсбаум) 1789—1848 годов в значительной степени была эпохой масонских революций — в том смысле, что проходили они под масонскими лозунгами: “Свобода, равенство, братство!” Масоны составляли руководящее ядро сил, направлявших и руководивших революциями, то есть были субъектом, использовавшим реальные структурные противоречия Старого порядка, превратив их в системные. Масонские структуры выступали скрытой формой политической организации буржуазии и обеспечивали — по “братской линии” — оргформы сговора и компромисса с частью аристократии; наконец, масоны (или их ставленники) часто оказывались во главе послереволюционных государств — произошло огосударствление масонства как комплекса закрытых наднациональных структур мирового согласования и управления.

Именно в “эпоху революций” резко усилилась практическая беспрепятственная экспансия масонства в Европе — опять же, за исключением России. Здесь, несмотря на рост числа масонских лож, они столкнулись с властью русского самодержавия. Надо ли говорить, что русское самодержавие (особенно в правление Николая I) стало смертельным врагом масонства, прочно обосновавшегося у руля ряда европейских государств? Надо ли говорить о том, что практически все континентальные европейские ложи контролировались британцами — британскими островными ложами, тесно связанными и с британским истеблишментом, и с “высокими финансами”? Надо ли говорить, что в своей вражде к России они совпали с ними, образовав единый антироссийский союз, эдакого русофобствующего Змея-Горыныча о трёх головах?

Каждая “голова” в борьбе с Россией преследовала свои цели. Великобритания стремилась резко ослабить Россию, следуя традиционному курсу не допустить возникновения/существование континентального гегемона, тем более способного в силу своего местоположения бросить ей вызов на Востоке. Финансисты стремились поставить Россию, её власть под финансовый контроль, чтобы делать свои мегакешафты. Масоны стремились к уничтожению самодержавия и замене его подконтрольной “братским” европейским ломам республикой, которая будет заведомо слабее самодержавной монархии. Так оно и вышло после февральского переворота 1917 года, в котором интересы западного Горыныча совпали с интересами определённых групп в России, которые Запад использовал главным образом втёмную. Однако февраль 1917 года стал результатом длительного, почти векового пути, на который противники России — союз государства Великобритании и наднациональных экономических и политических сил Запада — вступили в 1820-е годы, при этом для подрыва России все участники союза использовали друг друга: Великобритания — финансистов и масонов, финансисты — масонов и Великобританию, масоны — Великобританию и финансовый капитал.

По сути, эти участники представляли собой не сумму, а целое, единую политико-экономическую систему, оформившуюся в значительной степени для борьбы с Россией, в ходе борьбы с Россией и для дележа плодов победы этой борьбы. Победа, о которой идёт речь, требовала войны — победы над победителем Наполеона. Подготовка к такой войне, в свою очередь, предполагала психисторическую, прежде всего, информационную обработку властных и интеллектуальных элит как в Европе, так и в самой России. Средством такой обработки и стала сконструированная и запущенная в 1820-е годы русофобия. За 1830—1840-е годы русофобия морально, информационно и политически подготовила целое поколение европейцев к войне; причём русофобию стали демонстрировать европейцы принципиально разных политических взглядов: квазилибералы (Дизраэли), архиконсерваторы (архиепископ Парижский), ультрареволюционеры (Маркс). Урок 25-летия, предшествовавшего первой общезападной войне против России — Крымской — прост: информационная война, при прочих равных, всегда является подготовкой к обычной войне (даже если последняя по каким-то причинам и не состоится — это уже другой вопрос).

Именно в 1820–1830-е годы русофобия начинает проникать в саму Россию и распространяться среди определённой части властных и интеллектуальных элит. В основе русофобии части самих русских элит лежал тот факт, что с XVIII века они жили по потребностям не столько российской “системы работ” (К. Маркс), то есть по таким потребностям, которые могли быть удовлетворены уровнем развития русского хозяйства, а по потребностям верхов обуржуазивающегося Запада. А ведь там система работ была совершенно иной; благодаря природно-климатическим условиям, прежде всего, Гольфстриму, продуктивность сельского хозяйства, а следовательно, совокупный общественный продукт Запада значительно превышал российский. Это не говоря о том, что в XVIII–XIX веках западные верхушки грабили колонии и полукolonии, сажали на наркоиглу целые народы и, таким образом, резко увеличивали своё богатство.

Жизнь 20–25% господствующего сословия России в соответствии с западными потребностями требовала усиления эксплуатации населения. За одну лишь правление Екатерины II она выросла в 3–3,5 раза, а впереди ещё был XIX век, который М. О. Меньшиков назвал “столетием постепенного и в конце тревожно-быстрого упадка народного благосостояния в России”. “Желая иметь все те предметы роскоши и комфорта, – писал Михаил Осипович, – которые так обычны на Западе (подчёркнуто мной. – А. Ф.); но не обычны в России. – А. Ф.), мы вынуждены отдавать ему не только излишки хлеба, но, как Индия, необходимые его запасы. Народ наш хронически недоедает и клонится к вырождению, и всё это для того, чтобы поддержать блеск европеизма, дать возможность небольшому слою капиталистов идти нога в ногу с Европой”. То есть речь идёт об изъятии не только прибавочного, но и части необходимого продукта как цены за жизнь части верхушки (и её обслуги) по стандартам буржуазного Запада.

Психологическим оправданием этого становилось презрительное отношение части русского “образованного общества” к народу, к русским, как к “дикарям”, “азиатам” и т. п. Вот на эту почву и легла русофобия, уже в 1860–1870-е годы доросшая до смердяковщины с её сожалением о том, что “умная нация”, то есть французы, не завоевала “глупую нацию”, то есть русских. Важно, что объектом русофобии был не только русский народ, русская культура и т. д., но – во многих случаях – и русская государственность, самодержавная власть. Дело в том, что самодержавный центроверх в своих интересах отчасти ограничивал эксплуататорские аппетиты русской верхушки, а потому тоже становился объектом русофобской критики как “азиатская деспотия”, “система произвола” и т. п. В таком подходе часть российской верхушки и российский капитал в своей русофобии совпадала с западными противниками России – как государствами (Великобритания, Франция), так и надгосударственными организациями (масонство). Для русофобов характерна неприязнь, ненависть как к русскому народу, так и к русской власти – и чем эта власть сильнее, чем самостоятельней по отношению к Западу, чем больше учитывает интересы народа, социального целого, тем больше ненависть, тем яростнее русофобия. Одним из главных мотивов ненависти антисоветчиков к советской власти было то, что они воспринимали её как власть простонародья или, как минимум, как власть, которая худо-бедно защищала его интересы, не позволяя разгуляться потенциальным хищникам. Откровенный оскал последних обозначился в 1990-е годы и позже, найдя в последние годы своё выражение в терминах типа “ватники”, “анчоусы”, “портянки” и т. п. Таким образом, русофобия – явление не только, а возможно, и не столько социокультурное, цивилизационное, сколько классовое. То есть цивилизационное по форме, классовое (и геополитическое) по содержанию. Об этом нужно всегда помнить.

С XIX века наднациональный проект верхушек коллективного Запада “русофобия” прошёл несколько стадий в своём развитии. То, что мы видим сегодня, – логическое развитие русофобии, вызванное тем, что РФ после периода ельцинщины и невнятных “нулевых” начала демонстрировать во внешней

политике наличие своих геополитических и геоэкономических интересов, наличия чего-то похожего на государственный суверенитет, по крайней мере, во внешней политике (хотя в действиях РФ в Крыму, на Украине и особенно в Сирии, конечно же, реализуются интересы и крупного нефтегазового бизнеса). За время поздней горбачёвщины и ельцинщины (1989–1999) Запад настолько отвык от подобного поведения России, что в своё время даже умеренно-жесткая речь В. В. Путина в Мюнхене вызвала бешеную реакцию (чего стоит лишь название статьи из “Лос-Анджелес таймс” по этому поводу: “Вошь, которая зарычала”). Что же говорить об их реакции на поведение РФ в сирийском и украинском кризисах?

Нынешняя русофобская кампания на Западе имеет все признаки подготовки к новой общезападной войне против России, и она обязательно начнётся, если враг почувствует слабость и возможность нанести удар, за которым не последует возмездие. Развёрнутая кампания русофобии имеет целью сделать нас максимально слабыми (заставить опустить глаза, как сказал бы Тацит) и убедить население Запада в моральном праве Запада начать войну против России как агрессора, носителя ретроградных ценностей, помехе “нормальному” (то есть дегенеративно-западному) развитию и т. п.

В самом общем плане для того, чтобы не допустить войны и тем более поражения, если её всё же развяжут, чтобы опрокинуть и победить супостата, необходимо быть сильными. И надо готовиться быстро: темп планирования и подготовки в любой войне, тем более в информационной, имеет решающее значение. Конкретно, необходимо эффективно противостоять русофобии, подавляя её как внутри страны, атакуя “пятую колонну”, так и за её пределами — на мировом уровне. Борьба с русофобией как психоисторическим оружием должна вестись на всех уровнях психоисторической войны, с учётом всех её аспектов, таких как:

- 1) конкретно-информационный;
- 2) юридический;
- 3) медийный;
- 4) научно-концептуальный;
- 5) образовательный.

В конкретно-информационном плане необходимо отслеживание, инвентаризация и каталогизация русофобских

- идей;
- действий;
- организаций;
- лиц;

– связей организаций и лиц с определёнными политико-экономическими структурами (основное внимание — финансам, спецслужбам, НКО). Здесь важны и нужны различные инфоцентры — как институциональные, так и сетевые; как те, что работают в режиме тотального автоматического слежения, так и центры, действующие в режиме свободного поиска, свободно переходящие из режима активного ожидания в режим активного противодействия и наоборот.

В юридическом плане необходимо постоянное правовое давление, преследование русофобских организаций и лиц — так, как это делают соответствующие еврейские организации по отношению к юдофобам. Есть “знаменитая” 282-я статья, которую в народе окрестили “русской”. Надо сделать её антирусофобской.

В медийном плане необходимо постоянное разоблачение русофобии и русофобов (индивидуальных и коллективных), вскрытие стоящих за ними политико-экономических интересов и сил, создание вокруг них обстановки моральной нетерпимости. В научно-концептуальном плане необходима разработка проблем истории русофобии, теории и методов противодействия ей. Это должно найти отражение и в образовательных программах. И здесь опять же есть чему поучиться у евреев, научные структуры которых разрабатывают такие темы, как история семитизма, холокост. Нам нужны разработки истории русофобии, и при этом нужно помнить, что главные жертвы (в абсолютном измерении) холокоста в широком цивилизационном смысле — русские, славяне.

Всё это, однако, конкретика, а, как говорил В. И. Ленин, тот, кто берётся за решение общих вопросов без предварительного решения частных, тот на каждом шагу будет наткаться на эти нерешённые вопросы. Конкретные

меры борьбы с русофобией рискует остаться полумерами без реализации реальных дел. Например, борьба с русофобией предполагает борьбу за реальный суверенитет — и наоборот. У нас если и можно говорить о восстановлении суверенитета, то пока лишь по линии внешней политики. Однако без приведения в соответствие с внешним курсом внутреннего реальный суверенитет недостижим. Суверенитет в экономической, научной и, пожалуй, самое главное, в образовательной сфере — вот необходимые условия обеспечения реального суверенитета, который, помимо прочего, представляет собой мощнейший удар по русофобии.

Далее. Действенная борьба с русофобией требует от власти (“режима”) дистанцироваться от горбачёвщины и ельцинщины и дать им чёткую политико-правовую и морально-историческую оценку. Для русофобского сегмента властной верхушки, родившейся с печатью предательства, капитуляции и социального разрушения (включая разграбление страны и разрушения её военного и научно-образовательного потенциала), это будет серьёзный удар.

Борьба Запада и “пятой колонны” с Россией и русскостью, то есть практическая русофобия развивается и по линии внедрения в нашу жизнь не просто не русских норм и ценностей, но таких ценностей и норм, которые прямо противоположны русскому социально-духовному коду. Я имею в виду рекламу и апологию потребления как цели и смысла жизни, эгоизма — социального и индивидуального, — космополитизма, карьеризма (под маской так называемой “конкурентоспособности”) и т. п. Борьба и на этом фронте — хотя и косвенное, но, тем не менее, весьма важное противостояние русофобии.

Россия со всей очевидностью вступила в угрожаемый период, русофобские информационно-пропагандистские атаки достигли такого накала, после которого за “метафизикой” весьма вероятно последует “физика” — Большая Охота на Россию. Наша задача — не допустить этой Охоты, а в случае её старта — превратить охотника в дичь, а сам старт сделать финалом — не нашим, естественно.